

Ворников Виктор Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Украины, Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова

УДК: 130.2.-316.2

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье показано, что каждая социально-историческая эпоха вносит свои изменения и коррективы в принципиальные положения о конвенции и конвенциональности в обществе. Представлена матрица исследования, включающая социальное пространство (социально обусловленные роли); семиотическое пространство (язык, речь, текст, на основе которых осуществляются принципы конвенции и в которых она осуществляется); символическое пространство (вся мыследеятельность человека в обществе символична, основана на символическом сознании социального взаимодействия). Предлагаемый метод данного исследования состоит в представлении о том, что гипотетическое предположение о сложности осмысления «объективированной» / как объекта внимания, предмета исследования / коммуникационной структуры, которой является Текст – информация – сообщение. Возможность моделирования – создания модели для соответствующего представления и понимания.

Ключевые слова: конвенциональность, феномен, символ, семиотическое пространство, мир как текст.

ТРАДИЦІЙНІ І СУЧАСНІ ТЕОРЕТИКО–МЕТОДОЛОГІЧНІ ПІДХОДИ ДОСЛІДЖЕННЯ КОНВЕНЦІОНАЛЬНОСТІ

У статті показано, що кожна соціально-історична епоха вносить свої зміни і корективи до принципів положень про конвенції та конвенціональності в суспільстві. Представлена матриця дослідження, що включає соціальний простір (соціально обумовлені ролі); семіотичний простір (мова, мова, текст, на основі яких здійснюються принципи конвенції і в яких вона здійснюється); символічне простір (вся мислєдеятельность людини в суспільстві символічна, заснована на символічній свідомості соціальної взаємодії). Пропонований метод даного дослідження полягає в уявленні на засаді гіпотетичного припущення про складність осмислення «об'єктивованій» / як об'єкта уваги, предмета дослідження / комунікаційної структури, якою є Текст - інформація - повідомлення. Можливість моделювання - створення моделі для відповідного подання і розуміння.

Ключові слова: конвенціональність, феномен, символ, семіотичний простір, світ як текст.

TRADITIONAL AND MODERN THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES OF RESEARCH CONVENTIONALITIES

The article shows, that every socio-historical epoch introduces its changes and adjustments to the fundamental provisions on convention and convention in society. A matrix of research is presented, which includes social space (socially conditioned roles); semiotic space (language, speech, text, on the basis of which the principles of the convention are implemented and in which it is implemented); symbolic space (the whole thinking activity of a person in society is symbolic, based on the symbolic consciousness of social interaction). The proposed method of this research is to imagine that the hypothetical assumption of the complexity of understanding the "objectified" / as an object of attention, the subject of research / communication structure, which is Text - information - message. The possibility of modeling - creating a model for appropriate representation and understanding.

Key words: conventionality, phenomenon, symbol, semiotic space, the world as a text.

Актуальность исследования. Каждая социально-историческая эпоха вносит свои изменения и коррективы в принципиальные положения о конвенции и конвенциональности в обществе. В таком аспекте становится актуальной проблема выявления и переосмысления смыслового наполнения понятия «конвенциональности», которое многомерно и многозначно.

Актуальность переосмысления функциональных принципов конвенциональности в самоорганизующемся обществе «подтверждается практикой, причем данная проблема представляется не такой однозначной, а ее острота определяет важность социально-философского анализа феномена» [1, с. 34].

Степень разработанности проблемы. Теоретико-методологический анализ феномена социальной конвенциональности содержится в работах Ю. П. Аверина, Ю. А. Агафонова, А. Д. Ковалева, И. Ю. Королева, М. О. Мнацаканяна, М. М. Охотниковой, М. Н. Руткевича, Ж.Т. Тощенко, И. В. Туриной, В. А. Ядова и других. Однако их усилия направлены в большей мере на изучение социальной интеграции как процесса. Особо активно разрабатываются проблемы социального согласия и социального партнерства в контексте становления гражданского общества и социально-политической стабилизации в ситуации транзитивности (М. Г. Алиев, В. И. Бойко, Г. М. Денисовский, О. Б. Ионова, В. В. Козловский, В. И. Митрохин, А. К. Мишин, И. М. Модель, Б. С. Модель, С. В. Рогачев, М. В. Удальцова, В. Г. Федотова, С. А. Эфиоров, В. Н. Якимец и др). В целом, из работ следует, что термин «конвенциональность» непосредственно связан с терминами «конвенциональное взаимодействие», «конвенциональные нормы», «конвенциональные ценности», «конвенциональный этап» и другими, что позволяет в определенной степени описать и представить феномен конвенциональности в обществе.

Недостаточно освещенные аспекты проблемы. Необходимо преодоление традиционной описательности и теоретико-методологической фрагментации в выявлении существенных характеристик конвенциональности.

Цель исследования является рассмотрение традиционных теоретико – методологических подходов к исследованию конвенциональности и раскрытие положений современных подходов. Обозначить и обосновать необходимость анализа и представления о конвенциональности на основании феноменологического аспекта с применением семиотического подхода.

Основное содержание (Методология исследования). При попытке описать и представить феномен конвенциональности в обществе считаем необходимым обратить внимание на методологические основания. В тенденциях социально-философских представлений отчетливо проявляется эпистемологический поворот. При выявлении исторически сложившихся теоретико-методологическим подходов к исследованию социальных объектов, возможно обратить внимание на положения концептуальной теории П. Фейерабенда, где подчеркивается, что в процессе познания происходит беспорядочное размножение конкурирующих между собой теорий, критерий отбора которых лежит не в рациональной, а в социальной и идеологических сферах.

Исходя из концептуальных методологических подходов нашего исследования, что раскрытие оснований конвенциональности как феномена в обществе становится невозможным: без выявления современных принципов взаимоотношений; без опоределения функциональных моделей самооргазниующегося общества, где радикально изменяются формы и способы взаимоотношений, но, прежде всего, раскрытия основ коммуникации, проявленную в общении, с помощью которого производятся конвенции и устанавливается конвенциональность.

Основное содержание (Обсуждение). В социологических теориях выделяются три основных направления понимания социальной реальности: конфликтологическое, консенсусологическое и синтетическое. Конфликтологическое направление представлено в работах К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера, Ю. Делевского, Ф.М. Бородкина, А.К. Зайцева и других. В конфликтологических концепциях происходят абсолютизация

конфликта, социальная реальность исследуется преимущественно с позиций противоречий, а социальное единство учитывается недостаточно или не учитывается вовсе. Консенсусологическое направление в социологии получило развитие в ряде социологических теорий. В нем можно выделить следующие основные течения: исследование ценностно-функционального согласия (О. Конт, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, М. Ковалевский, П. Сорокин и др.), изучение смыслового согласия (М. Вебер) и психологического согласия (Г. Тард). Консенсусологическая традиция во взглядах на общество восходит к воззрениям О. Конта и Э. Дюркгейма. У О. Конта органическое единство общества гарантируется «всеобщим согласием», а его гарантами служат социальные институты [2]. В своей теории Э. Дюркгейм, отвечая на вопрос о том, почему люди живут в согласии друг с другом, предложил концепцию коллективного сознания [3]. Синтетическое направление в социологии в основном представлено в трудах Н. Смелзера и других.

Обращение к опыту социально-философского феноменологического анализа с включением представлений семиотики проходит в соответствии с теоретико – методологическими основаниями нашего исследования.

Исходными предпосылками явились, в частности, и положения исследования Л. А. Осъмук о существовании противоречий в представлениях о конвенциональном в обществе. Это связано с отсутствием постановки вопроса о теоретических основаниях социальной конвенциональности и с тем, что в социологических, социально-психологических, социально-философских и социолингвистических трудах получили освещение лишь отдельные аспекты данного феномена. Отсутствие постановки вопроса отчасти объясняет, почему понятие «социальная конвенциональность» до сих пор не определено, а используется в качестве устоявшегося выражения в социологических трудах, исследующих проблемы социальной интеграции и социального взаимодействия. Обращено внимание на теоретико – методологические положения исследования Л. А. Осъмук социальной конвенциональности в современности, которые складываются на основании выделения: социального пространства; intersубъективного взаимодействия; социальных конвенций как позитивного социального взаимодействия; взаимодействия национальных и этнических культур как социокультурных пространств; взаимодействия поколений; социокультурного пространства эпохи; виртуального пространства [4, с. 65].

В работе А. С. Ивановой оспорено сближение феноменологической перспективы в социальной науке и экзистенциальной социологии, обоснован тезис о конструктивистской направленности построений социальных феноменологов [5]. Многие феноменологии, - как пишет А. С. Иванова, используют в этой связи понятие «социально организованных актов интерпретации»: смысл социального действия не есть мотив (как достояние актера), но социально организованные конвенции, как способы приписывания субъектам-определенных «побудительных мотивов» [5].

Для преодоления традиционной описательности и теоретико - методологической фрагментации в выявлении существенных характеристик конвенциональности, концепция исследования вызывает необходимость анализа и представления в феноменологическом аспекте с применением семиотического подхода. Таким образом, стало возможным более четко и конкретно обозначить пространство данной исследуемой проблемы, где есть следующее: социальное пространство (социально обусловленные роли); семиотическое пространство (язык, речь, текст, на основе которых осуществляются принципы конвенции и в которых она осуществляется); символическое пространство (вся мыследеятельность человека в обществе символична, основана на символическом сознании социального взаимодействия).

1. Социальное пространство (социально-обусловленные роли).

К данному подходу подчинен (соотнесен) принцип – идея габитуса П. Бурдьё о предопределенности в целом существования людей в обществе как системе обусловленных социальных ролей в очерченном данной эпохой (временем) социальном пространстве. В таком

контексте сделана поправка на мысль П. Бурдые о том, что «при конструировании социального пространства создается символическая матрица практической деятельности, поведения, мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов». Качество информации, в таком случае, определяется степенью соответствия «приспособленных» фактов фактам объективной реальности [6]. Субъекты в социальном пространстве позиционируются в соответствии с суммарным объемом и структурой разных видов капитала, должного им. В соответствии с этой схемой П. Бурдые разрабатывает метатеоретическую стратегию описания систем социальной жизни с помощью понятий социального поля, практики, габитуса и капитала. Согласно П. Бурдые, габитус – это не эпифеномен практик, а механизм их порождения, который определяется генетически через двуединый процесс интериоризации / экстериоризации социальных отношений; он – та «клетка», из которой вырастает многообразие практик агента. Габитус есть структурированная система диспозиций – система действия, восприятия, мышления, оценивания и выражения, предрасположенная функционировать как структурирующая структура. Социальные отношения, интериоризируясь в ходе практической деятельности, превращаются в «практические схемы» (схемы производства практик) – инкорпорированные структуры. Последние, в свою очередь, обуславливают экстериоризацию породивших их объективных структур, заключающуюся в воспроизводстве практик агентами [7, с. 70]. Переход от практического освоения к символическому, по мысли П. Бурдые, предполагает некоторое расхождение между социальными условиями производства практик и социальными условиями производства габитуса, при котором спонтанные ответы габитуса оказываются неприспособленными к ситуации, и тогда встает вопрос не столько отношения между сознанием и бессознательным, сколько отношения между практическими схемами, порождающими практики, и представлениями, которые выстраивают о них агенты [7, с. 199].

Своеобразный язык практик у П. Бурдые восходит к восприниманию мира как Текста. Но главное – это то, что когда они воспринимаются через эти социальные категории перцепции, т. е. принципы видения и деления, то различия в практиках и имеющихся благах, а также выражаемые мнения становятся символическими различиями и образуют, по сути, своего рода язык. Различия, ассоциирующиеся с различными позициями, т. е. блага, практики и, особенно, манеры функционируют в любом обществе как основополагающие различия символической системы, как ансамбль фонем языка или совокупность различительных черт и дифференциальных расхождений, являющихся конститутивными для данной мифической системы, т. е. функционируют как знаки различия» [7, с. 23–24]. В целом, возможно выделить основные положения на основании концепции П. Бурдые. Коллективные практики тоже отчасти управляемы и систематизированы общими эксплицитными планами, сознательно даваемыми и получаемыми указаниями, приказами, решениями, выработанными совместно. Но в главном коллективные практики обязаны своей связанностью и единством эффекту габитуса. Именно он составляет для агентов, находящихся в сходных социальных условиях, одновременно и принцип, производящий спонтанные, классифицирующие и классифицируемые практики, и принцип классификации практик других агентов. Переход к символическому – от невозможности практического освоения и изучения отношений, а только через определенные проявленные смыслы действия – по исходному прошлому их, а значит – через символы – одна из главных позиций не только П. Бурдые, но и постмодерна.

2. Семиотическое пространство (язык, речь, текст, на основе которых осуществляются принципы конвенции и в которых она осуществляется).

Особое внимание обращено на положения постмодернизма, исходя из того, что все современные социокультурные явления, которые называют постмодернизмом, выступают сигналами того, что наступает эпоха нового универсального стиля и, возможно, еще не до конца осознанного. Складывается новая социальная и культурная ситуация, которая порождает новую социокультурную реальность, новые правила общения. То, что конвенционально, является в определенном смысле произвольным, однако то, что произвольно, не обязательно конвенционально. Конвенции, которая служила бы знаком искренности, быть не может. В

постмодернізм філософствувати повинно відкривати нові перспективи креативної активності, але прийняття такого роду світогляду без усвідомлення, веде людину до тупика абсолютної духовної порожнечі, до повної девальвації етичних цінностей і, як наслідок цього, до пасивності і конформізму [8, с. 33].

На основі представлень про «конвенціональність» – в ступені узгоджених взаємовідносин в суспільстві, можна визначити семиотичний ряд даного поняття в трьох «феноменологічних вимірах»: текст, символ, знак як соціально-філософське представлення про основу формування суспільної згоди і конвенції в межах специфіки постмодернізму. Звернути увагу можна на герменевтику, яку для Р. Рорти представляє комунікативна діяльність, в результаті якої може бути досягнуто конвенціональне узгодження. При цьому він підкреслює, що таке узгодження досягається в результаті загальних цілей, а не вихідних позицій і загальних базових критеріїв. І саме ризоматичність і конвенціональність, згідно Р. Рорти, виступають найбільш автентичними структурними формами для описання такого роду моделей можливих взаємодій [9].

З досвіду постмодерністської рефлексії суттєво виділяється позиція, що символічне знання формується за допомогою літературних символічних текстів, але, перш за все, символічне знання походить з свідомих процесів, представлених як сукупність текстів, що вимагають способів його проявлення – нарративності. В постмодернізмі, нарратив (з французької – саме як розповідь, оповідання) – це і є поняття, фіксує процесуальність самоосуществлення як спосіб буття тексту. З положень виділяється, що нарратив не онтологічна сутність, а позначення набору інструкцій і норм, що дозволяють інтегрувати той чи інший індивідуальний випадок в якийсь загальний і культурно встановлений канон. Нарративи діють як надзвичайно змінювані форми посередництва між особистими і загальними текстами, одночасно виступаючи текстами як моделями світу і моделями власного «я».

Таким чином, представлення про самоорганізацію суспільства і культури в цілому як єдиного розмитого, децентрованого структури ґрунтується на положенні, що свідомість – це також сукупність текстів і існує можливість багатозначної інтерпретації кожного тексту. При цьому, поняття «особистість», «я» не особливо потрібні, бо особистість – це «текст», її розуміння подібно розумінню тексту. В постмодерністській картині світу як тексту, конструктивістської з точки зору теорії пізнання, знак, в тому числі словесний, це і є поняття і текст як система знаків «лишається референційною функцією», функції відображення дійсності – і це принципово неможливо. В залишку – тільки інші знаки і інші тексти, при однаковому вмісті будь-якого дискурсу виступають тільки інші дискурси, поняття складається з понять, знак – з знаків, текст з текстів, ніякої зв'язі з реальністю вони не мають. Згідно думки Ж. Деррида, весь світ, в тому числі ми самі, наше представлення про себе, є лише текстом, складними семиотическими системами: «Від тексту не існує нічого», а значить культура, історія, особистість – все має текстуальну природу [10, с. 318].

Перетворення традиційних представлень про взаємовідносини в самоорганізуючому суспільстві на основі постмодерністського розуміння конвенціональності як символічного Тексту [11, с. 32] обґрунтовує те, що запропонована нами методологія дослідження ґрунтується на досвіді постмодерністської рефлексії на нових явищах і представленнях про те, що самоорганізуючий хаос в суспільстві виступає як Текст, конвенціональна структура постмодерністського тексту обумовлює структуру самоорганізації суспільства, креативна самоорганізація постмодерністського обстроєння суспільства виникає в просторі комунікативного тексту [11, с. 33]. Перехід до символічного комунікативного самоорганізуючого простору вимагає нових представлень про конвенціональність як текст, що дає розуміння певних проявлених практичних значень взаємовідносин через семиотическе просторі відносин символів і знаків. Конвенціональне перебудування викликає необхідність

выявления новых принципов коммуникативных взаимоотношений в обществе и в особенности понимания самоорганизационных принципов современного общества [11, с. 39].

Непосредственно с текстом, естественно, связана коммуникация и возможно выделить представления конвенциональных основаниях коммуникации как текста. В своей теории Ю. Хабермас развивает идею Апеля об универсальной прагматической конструкции языка, которая в концепции Ю. Хабермаса тематизируется как «универсальная прагматика языка». Условия взаимопонимания заложены в структуре речи: субъект переводит языковые конструкции в адекватную для понимания форму, причем делает это не произвольно, а согласно коммуникативным нормам языка. Субъект переводит речевые конструкции неосознанно, по сути дела любая коммуникация есть своеобразный «перевод» языковых высказываний, способствующий достижению взаимопонимания [12]. Таким образом, коммуникация представляет собой универсальную форму социальности, которая изменяется в историческом контексте. В качестве единой модели социальности коммуникация имеет нормативный и эмпирический аспекты.

Конвенциональная основа коммуникации как текста или речи, как отмечает С. Дацюк, состоит в обеспечении коммуникации между различными сегментами коммуникационной среды, чтобы в результате получить на основе консенсуса как результата — конвенцию, то есть такой содержательный договор внутри определённого сегмента или даже целого общества, который будет позволять, с одной стороны, воплощать в жизнь совершенно практические задачи (реализовывать какой-либо проект), с другой стороны, произвести некоторую структуру коммуникационной среды, которая будет позволять воспроизводить конвенциональный коммуникационный процесс в дальнейшем и противостоять манипуляционным коммуникационным стратегиям [13].

Развивая идею «семиотической паутины» – паттерна знаков, в которой находятся, живут и взаимодействуют субъекты, проистекают все формы коммуникации – общения, диалога. Дж. Дили особо выделяет методологическую основу представления и понимания о формах и способах отношений в социуме. Трансцендентальные отношения не являются отношениями строгими и определенными, а есть лишь сравнительными требованиями действия и понимания... Отношения в должном и точном значении есть тем, что стало наследственным во взаимодействиях или в фактическом понимании. Однако не как результаты, а как паттерны, соответственно к которым результаты нарождаются и причины действуют [14, с. 91]. Далеко не все отношения в онтологическом смысле проходят сквозь активный опыт, однако все отношения в онтологическом смысле индифферентны к порядку физического существования, но, выхваченные один раз из актуального опыта, они также охватывают объективную жизнь, относительно независимую от физического бытия [14 с. 97].

Исходя из представления о семиотических аспектах социальной реальности А. В. Чантурии, где культура выступает как «макрокод» общества, который интегрирует все функционирующие в нём системы конвенций» выделяем, что «именно культура как программа деятельности общества, как закреплённые в знаковой форме достижения множества поколений, обеспечивает не только процесс трансляции общечеловеческого опыта, но и возможность функционирования социальной системы» [15].

В целом, исходя из методологических аспектов нашего исследования, выделяем положения, что социальная реальность в семиотической парадигме связан с представлением о том, что взаимодействие людей в обществе определяется не внешней системой отношений, а гибкой системой интериоризированных кодов, каждый из которых соответствует определенным общественным явлениям. В свою очередь, каждое из этих явлений в системе общественных отношений порождает прецедентные тексты, реализованы образцы, влияющие на характер связи между обозначаемым и означающим в многочисленных социальных коммуникативных системах. «Семиотическая модель социальной реальности предстаёт как совокупность коммуникативных социальных феноменов и кодов, которые выступают в качестве систем конвенций, формирующихся в обществе» [15].

3. Символическое пространство (вся мыследеятельность человека в обществе символична, основана на символическом сознании социального взаимодействия).

Символическая метаболизация опыта, по С. Лангер, проявляется в таких феноменах, как вербальные акты, коммуникативные феномены, искусство, ритуалы, традиции, акустические феномены природы. Символы-знаки являются инструментами ментально-рационального духа индивида, которые и предопределяют его деятельность – активность в социуме-экзистенции. Это проявляется, по С. Лангер, в том, что чувства редко выражаются в языке, но они практически доступны, так как символические континуумы лимитизируются границами дискурслогического знаковсимволизма. Чувства имеют свою полиструктурность, дискурсивность, тектонизацию в проекциях произведений, творчества, культуры, они органичны-витальны, трансинформационны, целостны, в зависимости от социальных обстоятельств [16, с. 107].

Таким образом, переходя к внутренней структуре формирования символа – знака, выделяем положения Дж. Брунера и К. Юнга. «Категоризация часто оказывается скрытым бессознательным процессом», а поэтому, по Дж.Брунеру, «мы не осознаем перехода от отсутствия идентификации объекта к наличию ее «и решающим признаком всякого восприятия является тем не менее отнесение объекта в той или иной форме к известной категории» [17, с. 16]. В положении о кодирующих системах, Дж. Брунер определяет кодирующую систему как «неразрывное множество связанных друг с другом отвлеченных категорий». Таким способом человек группирует и связывает информацию об окружающем его мире», а эта «система непрерывно подвергается изменению и реорганизации» [17, с. 217]. В целом, представления Дж. Брунера исходят из того, что «социально-конструктивистский» подход определяет сознание человека как своего рода личностное самополагание, организованное по законам художественного текста. Согласно Дж. Брунеру, возможно выделить такие модусы сознания как нарративный модус самоосмысления отражает жизненный контекст и уникальный индивидуальный опыт и парадигматический, или логико-научный, модус, который является общечеловеческим – это форма нарратива, выработанная в ходе культурного развития человечества и приспособленная к межличностному общению [17].

Особо выделяем положение К. Юнга, что специфическое содержание проявляется лишь в индивидуальной жизни, где личный опыт попадает именно в эти формы, что очень близко к методологическим установкам постмодерна с требованиями деконструкции такого символического «текста» [18].

Следовательно, каждый личный опыт, имеющий в основе образы, символы, архетипы формируется, проистекает и передается посредством различных текстов, составляя их структуру – и до специальных - литературных символических текстов включительно. Как подчеркивает Р. Барт, текст всецело символичен и это - произведение, понятое, воспринятое и принятое во всей полноте своей символической природы, и это и есть текст [19].

В феноменологии сложность исследования и рассмотрения феномена конвенциональности связана с основными положениями о том, что каждый феномен, а, тем более, социальный феномен достаточно сложен, а процесс его функционирования – еще более. В феноменологии реальное сознание индивида выступает как фактическая и эмпирическая «данность». В качестве особого предмета феноменологического анализа выступает «конструируемое» сознание, созданное «искусственным образом на основе данного». Такое специфическое сознание, исходя из позиции Э.Гуссерля, является не реальным, а теоретическим, идеальным, «искусственным» образованием, особой «теоретической моделью» сознания [20].

В теории Д. Редьяра используется термин «паттерн», который становится все более значимым для современных исследований. Термин «паттерн» (с англ. – рисунок, узор, структура, система, образец, модель) в настоящее время стал активно использоваться в синергетике, направляющей свое внимание на выявление общих образцов, или паттернов, самоорганизующихся систем. Холистический подход в концепции Д.Редьяра является идейной

основой введения понятия паттерн. Паттерн – это своеобразный синхронический срез символического проявления системы – определенного феномена. Однако, этот срез никак нельзя мыслить как некую секущую плоскость. Расположение символов паттерна возникает уже как результат последующей абстракции. Отсюда его структурные свойства, с одной стороны, отражают структурные свойства целого, с другой стороны, существенно деформированы структурными свойствами самого субъекта. Исходя из положений теории Д. Редьяра, для человека открыт определенный ряд значений, служащих для оформления его актуального опыта. Этот ряд значений обусловлен и коллективными факторами, управляемыми образами коллективного и бессознательного расы и культуры. В этой связи, характерно замечание Д. Редьяра, что человек «может даже не осознавать, что придает событию определенное значение, но его организм или его «эго» реагирует на событие в соответствии с прошлым социальным и личным обусловливанием» [21, с.13].

В контексте методологии нашего исследования, Паттерн как символическое проявления феноменов – это семиотическое пространство, обусловленное коммуникацией, языком, речью – общением, отражающее и положения деятельностной концепции. Этим самым возможно приблизится к представлению о социальном пространстве через выделение проблем структуры языка, структуры фактов и связей между фактами, заявленной у Л. Витгенштейна. Отказавшись от идеи совершенного логического языка, Л. Витгенштейна выдвигает новую лингвистическую модель - языков-игр, которые лежат в основе многообразной речевой деятельности людей. По мнению Л.Витгенштейна, язык подобен игре, поскольку он представляет собой комплекс правил и любое употребление слова или выражения является ходом в такой игре. Исходя из своей концепции, Л.Витгенштейн воспринимает сами символы и их комбинации как объекты реального мира, а сами правила игры с символами, он понимает как правила действия с предметом физического пространства. Феноменологический метод Л.Витгенштейна особенно ярко подчеркивает возможность соединения максимальной непосредственности изучаемого объекта с его наглядностью [22].

Выводы. На основании вышеизложенного, стало возможным сделать определенные обобщения и заключения.

Особенностью новой социокультурной действительности является в первую очередь то, что радикальное реформирование общества активно формирует новую социальную реальность, которая характеризуется и новыми отношениями между людьми в целом, новыми условиями развития всех форм общественных отношений, особенной системой ценностей, норм и правил, культурных потребностей и средств их удовлетворения, и одно из главных, что мир начинает восприниматься, в большей степени как Текст со своим структурно – образно – символическим смыслом.

Конвенции, производящие конвенцианальность, непосредственно связаны с речью, а то, что конвенционально, является в определенном смысле произвольным, однако то, что произвольно, не обязательно конвенционально. Так, пост-конвенциональный уровень называют еще «принципиальным», когда происходит разделение – отчуждение личности и общества как двух противоречивых вещей, с проявлением того, что собственное мнение и собственная природа человека становится важнее того, что предписывает общество. При этом характерно, что пост-конвенциональный уровень, особенно в его высших проявлениях, иногда отождествляется с пред-конвенциональным эгоизмом.

Общественный и личный опыт на основе образов, символов, архетипов передается посредством различных текстов, составляя их структуру – и до специальных - литературных текстов включительно.

В современности конвенциональная коммуникационная стратегия как Текст выступает способом самоорганизации общества. Конвенциональная коммуникация осуществляется в рамках неидеологических социальных проектов - текстов. Заключаемая и постоянно перезаключаемая конвенция является подвижным текстом в социальных проектах.

Из нашей концепции и теоретико-методологического подхода исследования

определяем:

- Конвенциональность - моделируемая структура – ситуация, включающая два этапа: поиски согласия; заключение конвенции.

- Конвенциональность - моделируемая структура, которая включает: формирование конвенционального Текста – коммуникации; формирование конвенционального социального пространства; формирование конвенциональной знаково–символической коммуникации.

- Конвенциональность - моделируемая структура, которая включает элементы самоорганизации: конвенциональный Текст; конвенциональную знаково–символическую коммуникацию.

Перспективы дальнейших исследований. В качестве перспективы дальнейших исследований обозначаем необходимость продолжения разработки концептуального подхода исследования конвенциональности на основании позиции о ее коммуникационной структуре – «Текст – информация – сообщение» - с возможностью моделирования – создания модели для соответствующего представления и понимания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ворников В. И. Феномен конвенции в социальном пространстве / В. И. Ворников // Перспективы. Соціально-політичний журнал. – Одеса, 2011. – Вип. 4(50). – С. 21 – 28.

2. Ковтунова Диана Валерьевна. Особенности социального субъекта в контексте теории самоорганизации общественных систем / Диана Валерьевна Ковтунова: Дис. ... канд. филос. наук: специальность - 09.00.11 - Социально-философская и общесоциологическая теория. – Таганрог, 2013. – 164 с.

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. - М.: Наука, 1990. - 575 с.

4. Осьмук Л. А. Теоретические основания социальной конвенциональности / Людмила Алексеевна Осьмук: Дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.01. - Барнаул, 2004. - 262 с.

5. Иванова А. С. Методология социального познания: феноменологический подход / Анна Сергеевна Иванова: Дис. ... канд. филос. наук : специальность - социальная философия - 09.00.11. - Москва, 2010. – 180 с.

6. Bourdieu P. Raison pratiques. Sur la théorie de l'action / P. Bourdieu. — Paris: Ed. de Seuil, 1994.

7. Бурдьё П. Практический смысл / П. Бурдьё. - СПб.: Алетейя, 2001. — 562 с.

8. Ворников В. И. Самоорганизующееся общество как конвенциональный текст: опыт постмодернистской рефлексии // Современные инновации. - 2017. - № 08 (22). – С. 32 - 40.

9. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997. – С. 170.

10. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. - М.: Ad Marginem, 2000. - С. 318.

11. Ворников В. И. Самоорганизующееся общество как конвенциональный текст: опыт постмодернистской рефлексии // Современные инновации. - 2017. - № 08 (22). – С. 32 - 40.

12. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации / Ю. Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. - М., Academia, 1995. - 245 с.

13. Дацюк С. Коммуникационные стратеги / Сергей Дацюк // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 09.08.2006. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/2751>

14. Ділі Дж. Основи семіотики / Дж. Ділі: [Пер. з англ. та наук. ред. Анатолій Карась]. – Львів: Арсенал, 2000. – 232 с.

15. Чантурія А. В. Семіотичні аспекти дослідження соціальної реальності / Анжеліка Володимирівна Чантурія: Авт. дис. на здоб. наук. ступ. канд. філ. наук / Спеціал. 09.00.03 – соціальна філософія та філософія історії. – Київ, 2006. - 36 с.

16. Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства / С. Лангер. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
17. Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М., 1997. – 416 с.
18. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К.Г. Юнг // Вопросы философии. - 1988. - № 1. - С. 133-152.
19. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с. – С. 417).
20. Гуссерль Э. Феноменология / Э. Гуссерль. – М.: Логос, 1991.
21. Redjar D. Person sentered Astrology / D. Redjar. – N. Y., 1996.
22. Витгенштейн Л. Логико-Философский трактат / Л. Витгенштейн. - М., 1958.

Гальченко Максим Сергійович – кандидат філософських наук, директор, Інститут обдарованої дитини НАПН України (Україна, Київ)

УДК: 371.3;37.01;37.02;37.

МИСЛЕННЯ І ПІЗНАННЯ В СТРУКТУРІ КОГНІТИВНОГО ПРОЦЕСУ: МЕТОДОЛОГІЧНИЙ АНАЛІЗ

В статті досліджується проблема «когнітивності» в системі сучасної природничонаукової та гуманітарної науки. Актуальність даної проблеми обумовлена «комп'ютерною революцією», яка радикально удосконалила технологію виробництва знань, інформації та моделей мислення. Теорія когнітивістики є результатом міждисциплінарного напрямку, що об'єднує теорію пізнання, когнітивну психологію, нейрофізіологію, когнітивну лінгвістику й теорію штучного інтелекту. В інтелектуальному житті і діяльності мислення одне з головних місць належить когнітивним процесам. Мислення як функція інтелекту знаходить своє пояснення в концепції апріорного досвіду.

Ключові слова: когнітивістика, мислення, інтелект, пізнання, наукове знання, інтуїція, теорія, психологія.

МЫШЛЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНОГО ПРОЦЕССА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье исследуется проблема «когнитивности» в системе современной естественнонаучной и гуманитарной науки. Актуальность данной проблемы обусловлена «компьютерной революцией», которая радикально усовершенствовала технологию производства знаний, информации и моделей мышления. Теория когнитивистики является результатом междисциплинарного направления, объединяющего теорию познания, когнитивную психологию, нейрофизиологию, когнитивную лингвистику и теорию искусственного интеллекта. В интеллектуальной жизни и деятельности мышления одно из главных мест принадлежит когнитивным процессам. Мышление как функция интеллекта находит свое объяснение в концепции априорного опыта.

Ключевые слова: когнитивистика, мышление, интеллект, познание, научное знание, интуиция, теория, психология.

THINKING AND COGNITION IN THE STRUCTURE OF THE COGNITIVE PROCESS: METHODOLOGICAL ANALYSIS

The authors investigate the problem of cognition in the system of modern natural science and humanities. The theory of cognitive science is the result of an interdisciplinary trend combining the theory of cognition, cognitive psychology, neurophysiology, cognitive linguistics, and the theory of artificial intelligence, which is gaining increasing attention of scientists of various specialties. One of